

Виолетта Угра

День

под

плохой

звездой

Колонизация Марса II

Виолетта Угра

**День под плохой звездой.
Колонизация Марса II**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Угра В. В.

День под плохой звездой. Колонизация Марса II / В. В. Угра —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Книгу можно назвать учебником для программистов будущего. Но можно считать изданием для тех, кто хочет начать делать это будущее собственными руками, причем начинать завтра. Контрразведка Германии узнает о том, что Россия ведет программы по колонизации Марса, чтобы отвлечь мир от создания оружия, их амбиции уязвлены тем, что где-то лидеры не они. Военные бывшей ГДР перехитрили командование и не дали полностью заблокировать программы. Космические техники заказывают и ведут расследования, устраивают гонки на космолетах. Автор имеет экономическое образование Оксфорда и Гарварда. Часть средств от книги идет на работы Проекта НПО АТ.

Компания для приличного гражданина

На скамейке, вдалеке, на солнце сидел человек. Он ел булку и читал газету. Другой человек, по выправке напоминавший военного, проходил мимо него, спеша по своим делам. Он почти мельком окинул взглядом первого. Тот ничем его не заинтересовал, по крайней мере, внешне большинство камер наблюдения ничего бы не зафиксировали. Человек шел, посмотрел на другого, – ничего, просто мимолетный взгляд. Только жители бывшей Восточной Германии могли бы оценить, как трудно человеку, непривычному к виду прохожих на улице, настолько тщательно скрывать свои чувства, когда он их замечает. Был ли он им? По крайней мере, наблюдатель камеры слежения не смог бы четко сказать, что он именно оттуда, если бы увидел только эту сцену во всех деталях. В это время тот самый прохожий, который умел обмануть своим спокойствием почти любую камеру мира, был не так уж и равнодушен ко всему окружающему. Он шел на назначенную встречу и думал: "Позвали меня и Отто, как ни странно. Интересно, что могло случиться такого особенного, что нас обоих уже принимают за такими стенами?" Потом он поймал себя на мысли, что сам Отто наверняка подумает о том же. И точно так же ничего не скажет. Слишком много могут предложить те, кто раньше предпочитали обходить вниманием любые их усилия. И он отогнал от себя такие мысли.

Перед началом собрания Вольф не хотел думать о собственной жизни, как о частях, состоящих из морали, поступков, воли, удачных или не удачных решений. Его понимание долга, казалось, давно уже стало мерилем всей жизни. Если бы он стал нарушать законы, у него скорее получилось бы полностью потерять здоровье, чем сделать что-то существенно плохое. Нельзя сказать, что он никогда не пробовал, прежде чем утвердиться в этом мнении о собственной натуре. Даже некоторые небольшие шаги в сторону сомнительных поступков, которые кто угодно простил бы себе и другим все же для него были почти недоступны. Он даже знал, что откажет не воля, а здоровье. Вольф считал такую странную особенность собственного организма привычкой быть человеком долга и мужчиной настолько, что за годы работы в таком ритме его организм уже отказывался от чего-то другого.

– Привет, Отто, – сказал Вольф своему приятелю, которого встретил в коридоре. – Сегодня будет бой или научная конференция?

– Добрый день. Разум за то, чтобы в зале собрались защитники и те, кто способен оценить высокую квалификацию.

– Ты думаешь, что он победит?

– Я знаю, что сегодня там будут прекрасные контрразведчики. Но если по окончании встречи дух разума окажется в проигрыше, я буду считать, что настоящие офицеры или еще не выросли, или погибли где-то далеко, стремясь защитить столицу от варваров.

– Ты так зол из-за прошлых обид или тебя что-то пугает сейчас?

– Вольф, ты знаешь, что мы должны стать людьми, которые способны отблагодарить, если у нас остался долг чести.

Они повернули налево. В коридоре с белыми стенами большинство дверей было закрыто. На повороте стоял часовой, он поприветствовал офицеров, когда они быстрым шагом проходили мимо.

– Ты относишься к этой проблеме как к обязанности? – Отто спросил, почти не слушая ответа. Он хорошо знал Вольфа и считал, что у того бывают приступы меланхолии, когда он нуждается в разгрузке в виде поддакивания друга по вопросам мелких и не служебных дел. Сам он считал себя хорошим другом, хотя признавал своего коллегу немного сухим человеком.

– А как еще я могу воспринимать саму мысль о том, что придется делать программу ради проявления порядочности или отказаться от нее, нарушая кодекс чести?

– Тебе кажется, что контрразведчиков можно всегда причислить к людям чести?

– О... Ты напоминаешь о неприглядных делах, без которых в этой профессии не обойтись?

– Пожалуй, если и да, то я не прав. Иногда мне кажется, что повышенная секретность заставляет нас слишком мало объяснять даже самим себе мотивы наших поступков. Слушая других и пытаясь почти физически быть им подобными из соображений собственной безопасности, перестаешь оперировать понятиями о доблести по отношению к собственной профессии. Раб умения скрываться перестает контролировать все умные способы отойти в безопасное место. Хотя такое поведение кажется достойным экологически чистого хамелеона, оно порочно и потому уводит от естественного для природы выживания.

– Попытки обмануть самого себя ради того, чтобы вжиться в роль сомнительного типа, так удалась, что забываешь об уважении к профессии в целом?

– Я этого не говорил. Скорее, я считаю, что большинство мусора могло бы быть отмечено, если бы мы больше ценили высокое предназначение нашей профессии.

– Когда оно оправдано, Вольф.

Их нагнал Дитрих фон Хайнике.

– Раньше времени прихожу не только я, – проговорил он.

– Только не говорите, что сегодня к нам пригласят каких-нибудь весьма сомнительных личностей, за поведением которых мы будем наблюдать из темноты или в режиме дистанционного наблюдения, – сказал Вольф.

– Это встреча, которую готовил мой шеф, но не я лично, – парировал Дитрих. – Его квалификацию, естественно вы не будете подвергать сомнению?

Вопрос был поставлен слишком жестко, чтобы не задеть Вольфа Шпетербаума. Они уже проходили в зал для будущей встречи. Отто Буркхард привычно занял места слева, где по традиции располагались офицеры бывшей ГДР. Она сохранялась с тех пор, когда Штази проиграли битву за страну, снова возникла во времена знаменитого конфликта, с того момента, когда только их помощью она была спасена, и поддерживалась до сих пор. Во времена эпидемии военные на общих собраниях не забывали о том, что кто-то из их коллег из-за работы рисковал принести вирус даже на работу. Тогда левые, усилиям которых в конечном итоге страна и мир были обязаны выживанием, оправдывали свой выбор места желанием немного поддержать карантин, а не подчеркнуть политические убеждения. Последнее было особенно сложно в оборонном ведомстве, где всем бывшим Штази приходилось выслушивать саркастические шутки вроде: «Ну и когда вы привезете такой-то стране поддержку в закрытом вагоне?» Дежурных ответов таким задирам не было, но парировали чем-то вроде: «Зато мы сумели продержаться у власти порядочного немца из маленьких людей». Вольф расположился слева от него, когда Отто жестом предложил занять место рядом.

Фон Хайнике подошел к правой стороне большой комнаты с огромным столом для совещаний. Ее центр был пустым. Сам стол мог быть круглым, но военные придерживались традиции, которая требовала подчинения низших чинов, в том числе и в случае, когда ради него приходилось пожертвовать собственной жизнью. Кроме того, традиция круглого стола напоминала о древнеанглийских легендах о короле Артуре, который устроил что-то вроде Политбюро ЦК КПСС со своими влиятельными лордами. Протокольное поведение в те далекие времена сделало возможным изменить дворцовые правила ради усиления верности союзников, которым не прощали разве что роман с королевой. Дитрих был из той группы людей, которая считала, что Германия, в составе какого союза она бы не находилась, не должна быть слепым подражателем и уж тем более не вставать на позиции подчиненных. Только подчиненных державе, которая когда-то сделала половину мира частью своей империи, а позднее, потеряв могущество с защищенными границами страны, снова пошла в бой. Фон Хайнике всерьез считал программирование, захватывающие страны и умы и переводя любой язык общения на английский –

это точно такая же война, как система засылки диверсантов, лоббирование разорительных для противника законов и засылка в чужую страну орд журналистов, которые только и бегают по чиновникам, задавая им острые и неудобные вопросы. Конечно, с последующей публикацией всех возникших приключений, хорошей оплатой за риск и тщательной защитой, даже если ради ее осуществления агентов для СМИ придется нанимать в других странах, а после возникновения самых серьезных проблем добиваться их депортации на родину. Коллеги иногда шутили, намекая, что предки фон Хайнике получили дворянство, купив нужные документы на деньги, заработанные королями пивного бизнеса. Он всегда говорил, что это неправда. Если его удавалось прижать к стенке, объяснял, что короли бизнеса, мировой торговли, имели право на продвижение по служебной лестнице в той самой стране, ради благосостояния которой они работали из поколения в поколение. Единственное, чего он не любил, так это когда у него спрашивали о доходах и оборотах. Фон Хайнике знал, что чужая зависть может сделать с человеком то же самое, что и наступающий противник. В прочих случаях его нельзя было назвать человеком, который готов выслушать все, что угодно, без последствий для слишком бойких.

В зал вошел Шнеешварцвальде, подающий надежды шеф по азиатскому региону. Он устроился недалеко от генерала Буркхарта и стал просматривать документы. В этой комнате существовало негласное табу на использование электронных устройств любым из гостей. Все прослушивающие и влияющие устройства, какого бы они ни были типа или производства, мог пронести в зал или установить за его стенами только шеф контрразведки, Вальтер Берггеен. Но даже он старался отказываться от любых установок.

– Я предпочитаю военных, у которых есть собственное поле, которое позволяет им защищаться своим умом и талантом, – говорил он. – Если его не будет или если оно не появится вследствие естественного отбора лучших, работу оборонного ведомства можно считать почти обманом собственной страны. Но мы не можем позволить себе лжи, если речь идет о ее защите.

Герман Шнеешварцвальде не забывал о субординации, поэтому сейчас перебирал бумаги и папки, а не манипулировал полосой пластика размером с ладонь, как обычно. Ему нравились последние предложения отдела исследований, где создали целую систему прозрачных листов. Их не только можно было положить в папку. По сути они являлись презентационной моделью, где при перемене положения и контакта одни страницы дополняли текст или фотографии на других. Например, можно было запросить через компьютер данные о человеке, верхняя страница показывала его фотографию, вторая говорила о связях, третья сверху показывала текстовые данные. Если все три листа сложить вместе, они блокировали довольно много параметров электроники, которая в изобилии усеивала стены почти любого помещения, хотя оставляли возможность зрителю оставаться в зоне удобного просмотра. Ну, пусть не удобного, но который все еще давал возможность ознакомиться с материалами и разобрать каждую букву.

Фриц Даттенройх уже был на месте, он обсуждал с фон Хайнике последнее расследование по коррупции у русских. Петер Меншзагензахе вошел вместе с Вальтером Клугелёзунгом, они продолжили разговор, начатый в коридоре, уже среди коллег.

– Вы слышали, что сейчас опять началась активизация вируса «Любит-не любит-плюнет-поцелует-к сердцу прижмет»? – Меншзагензахе давно работал в защите кибернетических систем НАТО и его считали одним из лучших экспертов по защите военных секретов.

– На этот раз было «поцелует», два из семнадцать серверов отмечали активизацию систем выдачи данных, – добавил всегда осторожный в оценках Клугелёзунг.

Фон Хайнике поморщился.

– Не хотите ли вы сказать, что им удалось выкрасть расположение ракет или системы маркировки военных детонаторов?

– Нет, чрезвычайно ситуации не предвидится. Головная боль с ядерными программами была в первый раз, когда вирус только запустили, но с тех пор мы не замечали выбивания систем.

– Все подозрения могли не оправдаться тогда только из-за нашего неумения найти полонку.

Атаки на кибернетические системы в тот раз с трудом выдерживали натиск хакерских программ, а военные ломали голову над загадкой названия, придуманного его таинственными создателями. Взлом систем был подчинен принципам, под вполне невинной идеей «поцелует» крылся намек на Иуду, конец света и поражал все, чему завидовали глупцы, хотя догадаться о философии выбора объектов удалось не сразу. Тогда с бои связывали с попыткой выхода для манипуляций ядерными программами военного назначения.

– Будем опять обсуждать его русские корни и бессмысленность любых действий, кроме смены режима? – Дитрих фон Хайнике не любил только далеких планов. Он старался все упорядочить так, чтобы низшие чины, армии или союзнических формирований, имели собственные обязанности, строго расписанные и проверяемые так же тщательно, как СМИ обсуждают решения высших руководителей. Его принципы требовали еще и побед, пусть и маленьких. Поэтому он всегда скептически относился к перспективам отсутствия загруженности подчиненных, пусть даже и из-за того, что армия потрясена проблемами, которые способны решить только наверху.

– Согласитесь, даже само название вируса не позволяет исключить из числа его создателей русских, – заметил Тиль Краузе, который появился так незаметно, как умел только он сам.

Фон Хайнике не был специалистом по вычислительным устройствам, хотя его экономические решения часто удивляли военных мощью удара, нанесенного противнику.

– Мы усилим давление на русских? – Он уже прислушивался к разговору с интересом.

– Если это дело «белых», военных или политиков. Но они ли авторы? Или вирус создал тот, кто виртуозно владеет электронно-вычислительными методами и хочет пустить нас по ложному следу, – заметил Вольф.

– Вы хотите сказать, что русским такое качество работы было бы не под силу?

– Дитрих, я считаю, что нельзя упустить одну из самых опасных группировок только из-за того, что контрразведка не знает, в каких местах находятся самые лучшие программисты.

– Не там, где и самые богатые, нет, не там, – съехидничал Шнеешварцвальде.

– Кстати, статистика социальных групп того, кого вирус «любит», не пропускает подозрительные места, где атаки могут быть не доказаны, а списаны на обычные помехи или старение механизма системы? – Шпетербаум относился к проблеме со всей серьезностью, но в реакции фон Хайнике не было ни тени поддержки.

– Вольф, не забывайте, что не каждый преступник оставляет столько следов, что по ним даже капитан полиции через день нагрянет к нему в гости. Постучит в дом, представится: «За вами пришли, чтобы принудительно направить в места лишения свободы, вы дома?» Да, и потом несколько минут будет вежливо ждать под дверью ответа хозяина, – фон Хайнике отстаивал жесткую позицию еще и потому, что занимался стратегией холодной войны. Он привычно подозревал каждого богача мира в том, что он отнимает деньги Германии, а бедняков считал местом, где сильное руководство его страны еще не смогло установить систему, не отдающую в их никчемные руки все, что существовало у них до его появления.

Вольф Шпетербаум привык к пикировкам в Дитрихом и, как обычно, захотел оставить последнее слово за собой.

– Вы рассказываете это тем, кто установил систему защиты от кибермошенников пенсионерам?

Его оппонент немного стусевался. Сама программа защитных мер, лозунги которой когда-то выкрикивали на демонстрации протеста, была детищем Шпетербаума и Буркхарта. Со всей тщательностью они изучали действия стариков, столкнувшихся с сервисом из программ и получения услуг через всемирную сеть. Тогда понадобились огромные мощности и поддержка социальных служб, которые неумоимо объясняли этой отчасти благодарной публике о

необходимости рассказывать о своих интересных находках. Результат оправдал все ожидания. Пенсионеры безошибочно чувствовали банковских мошенников, правда, отдавая в их руки деньги гораздо чаще, чем любая другая категория населения. Установка систем перекачки данных и дежурных пунктов проверки (из числа мелких военных охраны порядка) помогла взять несколько преступных группировок, остальные, почувствовав силу людей в погонах, поутихли. Как раз тогда впервые они решили использовать при давлении на Россию требования по установке этой программы, причем с выводом белых данных на системы ООН и международной защиты общества. Повод для конфликта был пустячный, но русские отреагировали слишком жестко на вмешательства в дела собственной страны именно из-за дела о пенсионерах. Они всегда были готовы воспевать все западное, даже сомнительные достижения вызывали в крупных руководителях благоговейный трепет и желание отойти на позиции ничтожного, но тут реакция была крайне агрессивной.

В первый момент многие в НАТО думали, что ошиблись в определении политических возвышений и в крупные чиновники прошли как раз те, кто делал свои миллионы на ограблении беспомощных стариков. После проверки оказалось, что все не так плохо, но военные Запада неправильно оценили степень политической готовности России к диалогу. Когда им предлагали программы с выгодой для себя, они соглашались или отказывали, понимая намерения инициатора. Но как только они столкнулись с системой мышления по-европейски, то есть, с серьезными мерами по предотвращению преступности на примере защиты самых неудачливых, взрыв был неизбежен. Многие говорили, что протест был продиктован трусостью. Оппозиция самой РФ клялась, что программы не принимают от лени. В США утверждали, что любые благотворительные программы сейчас, как и всегда, возможны только там, где платят. Их политики приводили немного примеров для иллюстрации, но с постановкой проблемы можно было согласиться, особенно если посмотреть их закрытые для общественности данные об оплате политических движений и требованиям по дополнительным предвыборным лозунгам.

– Кстати, а что там сейчас у вируса с «любит»?

Тиль Краузе, задавший вопрос Дитриху, надеялся узнать что-нибудь забавное о жизни миллиардеров и не ошибся.

– Любовь была достойной подъема войск по тревоге ради поиска хакеров. На этот раз они взломали несколько сайтов с девочками для эскорта. Оказалось, что их услугами пользуются два короля поставки нефти, которые распоряжаются деньгами жены.

– А чиновники?

– Их обходят после того случая, когда нашли сайт знакомств для госслужащих.

– Вероятно, анонимные Робины Гуды хотят, чтобы прошлые утечки обсуждали как можно дольше. Я сам с трудом поверил, когда узнал, как много солидных шишек изменяет своим женам.

– Мне больше понравилось, когда открыли истории о любви вместо присяги. Никогда не думал, что генерал интендантской службы будет требовать от новенькой секса за гриф секретности и правильное оформление всех допусков к бумагам.

– Ну, та самая была слишком красива для того, чтобы он ей дал нужные разрешения с первого раза, – улыбнулся Краузе.

– Не будем забывать о том, что по присяге он вообще не должен был подпускать к секретным документам людей, должным образом не оформленных, – заметил Вальтер Клугелёзунг.

– Генерал торговался из-за места, где в армии он распорядился имуществом, но самые ценные вещи, то есть данные, которые оказались у него непонятным образом, сделали его посмешищем в глазах всего мира, – с видом порядочного человека заметил фон Хайнике.

– А гении сыска обсуждали версию, по которой он был еще хуже? То есть, могла ли эта история с любовницей и грифом секретности быть только прикрытием для его куда более серьезных грехов?

– Если это и так, его покровитель или, наоборот, палач, сумел оставить все под покровом тайны.

Шеф контрразведки все еще не появлялся, хотя время начала совещания подошло. Военные, собравшиеся в просторном кабинете, знали, что он имеет привычку слушать разговоры подчиненных перед работой, особенно перед тем, как речь будет идти о чем-то важном. Но каждая его проверка не имела цели найти самых нелояльных, опираясь на неосторожные высказывания. Вальтер Бергтеен считал, что военные структуры сыска, особенно в разведке, не должны быть в обычной жизни похожи на шкаф или гроб в своем неумении поболтать о чем-то с той же непринужденностью, что и обычные люди с улицы. Его заботами о внешнем имидже вновь воскресли тренировки, где штрафные баллы получали те, кто не умел поддерживать разговор, заполнить пауза или выглядел слишком угрожающе. После того, как медики дали Бергтеену свое заключение о том, что резкие перепады настроения особенно тяжело сказываются на здоровье, он удесятирил нагрузку на тренировках. По его мнению, офицер не должен был считать физической нагрузкой то, что было слишком тяжело для гражданских. Кроме привычки вести себя, раскрывая принадлежности к военному ведомству неумением просто поболтать, он не любил угрожающую манеру держаться на людях или в разговоре между коллегами-военными, по той же причине. При этом нельзя было сказать, что он легко прощал ошибки проявившим не достаточно жесткости уже там, где она была необходима.

– А где сейчас лютует часть вируса «не любит»? – Краузе уже обращался к Герману Шнеешварцвальде, надеясь услышать что-нибудь в стиле сказок Шехерезады.

– Вскрытий базы данных по большим сифилисом, СПИДом, гонореей, болезнью Бая-Тие или чего-нибудь из этого же набора не было. По крайней мере, Эр-Рияд утверждает, что серьезные атаки давно сломили бы сопротивление их больничных компьютерных систем даже в самой Мекке.

– В любом случае будущее контрразведки за теми, кто сумеет посчитать систему, что и какая группа населения не считает своим делом или, наоборот, убеждена в том, что проблема их касается, – Тиль Карузе использовал методы слежения для своей работы по неожиданным ударам, поэтому рад был лишней возможности заявить о собственной важности.

– Вы хотите сказать, что простой механический подсчет и машинная классификация еще способны преподнести сюрпризы человеку?

– Иногда даже неприятные. Или смешные, если выбирать парадоксы общественного мнения для давления.

– И искать их опять в логике?

– Естественно. Если вы, например, открываете портал поиска данных, адресный, не больше, находящийся на первых позициях списка самого мэра по кибернетизации государственных структур, а там с первой же страницы нельзя найти способ позвонить в полицию, можно смело просматривать сам город, а если это столица нашего потенциального противника, – то и саму страну, собирая данные о разгуле коррупции.

– Не буду просить примера, вы их дадите мгновенно, не так ли?

– Это моя работа, – скромно признал Краузе.

– Если не секрет, как вы выбираете такие ошибки?

Фриц Даттенройх, который задал этот вопрос, специализировался на допросах, доставке похищенных и способах уже физической поимки, поэтому он уважал программистов, обеспечивающих его надежный тыл.

– Найти самые привычные для людей способы действия не так тяжело. Для экономии средств и времени можно воспользоваться системами поисковиков, финансируемых за счет бюджета. Логика следующего вопроса покажет, что еще человек способен придумать для мгновенного объяснения другими словами.

– Это, например, я ищу зал для борьбы, набираю «борьба» основном поиске, в исключениях ставлю «художественная литература», а когда мне выпадет сотня предложений потренироваться в их зале, я добавляю «детям»?

– Более ярким примером будет другой. Мы берем старинный адресный справочник, там находим все ведомства, а потом проверяем, какое из них по функциям исчезло. Хотя в вашем примере поводом насторожиться для нас было бы отсутствие материала после того, как ничего не выпало на ваш последний запрос.

Никакой специалист Люфтваффе не будет смотреть в сторону, если речь идет о кибернетических атаках, способных пробить такую серьезную оборону, которую ставит современная Германия. Важная и жизнеспособная форма современного искусства военного дела основана на анализе фабулы развития событий. В расследовании, как и в деле предсказания дальнейших шагов армии противника, важна логика и точность. Вольф был из тех, кто умел ценить ее, расспрашивая других.

– Вирус написан явно неглупым человеком.

– Тем труднее будет его поймать.

– Логика его рассуждения вызывает и симпатию. По крайней мере та ее часть, которая открыла файлы больных неприличными болезнями и предложила сверить данные в бюро знакомств и по семействам дивного востока, которые имеют дочерей на выданье, с особыми отметками об их знакомых.

– Я сам даже не знаю, что мне больше нравится, что теперь те, от кого жених скрывал неприличные болезни, будут сами с ним разбираться силами кишлака бандитов, который в противном случае был бы нашей мишенью.

– Тем не менее, не будем отводить слишком высокое положение человеку, поимка которого входит в наши служебные обязанности.

– Не смею вам всерьез возражать, дорогой бригадный генерал. Но если у нас получится найти автора этих атак первыми, только мы будем иметь возможность предложить ему работу на нас. В том числе и под прикрытием, если окажется, что он не промышленный шпион, давно выгнанный из разведки.

– Да, если только он не окажется совершенно невменяемым.

– Я считаю, что свобода, которую он уже потерял для себя, решившись не на походы в системе поддержке талантов и продвижения научных идей, слишком большая награда. Если он попадет к нам, ее придется еще заслужить.

– Вы отказываете нашей системе в том, что она способна создать хорошую жизнь сдавшемуся нам таланту?

– Нет, что вы. Я за проверки лояльности. Но в случае выбора "или – или", я все-таки предпочел бы лояльного не больше чем талантливому, даже если он еще и боксер.

– Не соглашусь с вами, только если мы сталкиваемся с гением.

– Пожалуй, на гения и я посмотрел бы еще раз. Профессионалы – это товар.

Немного опоздавший Вальтер Берггеен начал разговор, для которого его подчиненные собрались на совещание, уже с порога.

– Не буду благодарить вас за успехи в умении поддержать разговор и вызывать в посторонних людях столько же интереса, сколько они готовы воспринимать от обычных людей, которых готовы принять как друзей и собеседников. Прекрасно было бы, если с той же непринужденностью вы будете готовы поддержать беседу на менее острые темы.

Глава контрразведки Бундесвера, который недавно так легко мог получить разрешение на размещение десятого полка на левом берегу Конго, передав защитникам деревни от промышленной войны за скупку ресурсов из казенных запасов серьезную партию автоматических средств защиты и нападения, совершенно не выглядел усталым. Это удивило бы каждого, кто знал, что уже несколько дней ему удавалось отдохнуть лишь несколько часов и в ближайшие дни он, похоже, будет работать в таком же режиме. Сейчас неприятности только начинались. Совпали две проблемы. Он еще не утешал себя тем, что их могло быть и больше. Вальтер Берггеен чувствовал себя зрителем, который просмотрел треть фильма, но до сих пор не может четко понять и запомнить его сюжет. Он редко брезговал махинациями, если они помогали выполнить работу на самом высоком уровне. Но сейчас неудачно спланированные вторжения то в одни, то в другие места предполагаемого нахождения хакеров, не давали никакой зацепки при их поимке.

Он не мог сказать самому себе, что любил поднимать подчиненных, которых любой называет убийцами по профессии и призванию. Легко мог предоставить сотрудников самому себе, лишь через долгий период самостоятельных действий вызывая к себе с отчетом по результатам. Тем не менее, мало кто мог сказать, что Вальтер Берггеен мог бы легко забросить порученную ему проблему. Его подчиненные, не совершая шагов вперед, видели, что всесильный шеф именно в моменты, которые лучше всего было бы скрыть, появлялся с самыми точными вопросами, способными понять причину отсутствия служебного рвения.

Совещание пошло в привычной манере. Военные прошлись по пунктам короткого списка, который включал несколько проблем из-за международных вопросов. Отдельно обсудили еще несколько предположений по вирусу «Любит-не любит», не забывая о решениях по дополнительным источникам информации. Пришли к выводу о необходимости срочных мер даже увеличили сумму вознаграждения, которую обещали выплатить любому, кто даст сведения о местонахождении преступников.

Главным вопросом на совещании был не вирус и защитные меры. По данным разведки Россия, несмотря на постоянно раздражающие ее внутренние противоречия, сумела провести все бюрократические процедуры и, что было неожиданно, многие работы по сбору экспертов. По данным московской группы в РФ решались даже на программы по новым космическим улучшениям. По вопросу оценки проблем страны в Германии мнение об их причинах давно сложилось. Большинство фирм в области изобретений всегда плелись в хвосте у НАТО, но только из-за почти столетней традиции ждать, пока развитые страны выделяют средства. Все те же суммы в стране могли переключаться в карманы изобретателей из копилы местных воротил. Но, несмотря на богатство, вполне сопоставимое с немецкими или итальянскими мерками, они были тверды в решимости не расширять круг собственных деловых партнеров за счет просящих у них вложений местных гениев. Такое стремление к интеграции можно было объяснить традиционной для посткоммунистического пространства формой стремления к дружбе, но Вальтер Берггеен, предпочитающий не питать иллюзий, относил эту тенденцию на страх перед внутренне сильными людьми, которые были рядом с ними. Но этой волне недавно лондонские компании заключили ряд выгодных контрактов на поставку идей для "умных устройств", но местные догадались потребовать акции и руководство филиалами. Так из-за предприимчивости туманного Альбиона произошла кадровая перестановка, после которой некоторые из нанятых ими и вполне оправдывающие вложенные средства работники могли похвастаться историями предложений тем, кто теперь охотно покупал за свой счет уже и их новых боссов, одновременно избавляемых от лишних двадцати-тридцати тысяч.

– Вам не кажется, господа, что мы поставили не на ту лошадку?

Дать разрешения на частную постройку русские смогли, предварительно договорившись с США. Когда Вальтер Берггеен рассказывал об этом, в глазах его губ таилась холодная усмешка.

– Бейбегеев, их глава собственной экономической разведки, всегда был скрягой.

– Как нам удалось пропустить переговоры?

– Речь шла о слишком мелких суммах.

– Вы хотите сказать, что США могут разбить вложения на транши, но если им удастся сделать простенькую схему финансирования, где пятьсот-шестьсот акционеров будут от всех групп, даже от частников с поиском работы не на пятьдесят, а на пятьдесят пять человек, наше участие окажется не нужным?

– Нищие, мелкие и трусливые смогли нас обмануть?

Наступило молчание. Шеф контрразведки медленно осмотрел картину, висящую на стене слева от него, как бы давая возможность присутствующим осознать его позицию.

– Знаете, как мне сообщили об этом? Мы обедали с атташе Вильямом Тексом на террасе. После подачи роскошного блюда он вытащил две бутылочки и предупредил, что одна из них пролежала в погребах Прованса около ста лет. Я удивился, не понимая, какой праздник заставил попробовать сделать лучше мою жизнь. И тут он мельком сказал, что совершенно не обидится, если и мы (конечно, при посредничестве США) примем участие в совместном проекте.

– Вы выходили в сеть уже после того, как ушел этот парень? – Фон Хайнике спросил это самым услужливым тоном. Его умение показать себя менее умным, которое помогло сделать блестящую карьеру, проявлялось и в инициативе. Особенно, когда начальство было в замешательстве от перспектив потерять собственное лицо, не имея для фона еще менее способных на разумные действия. Герман Шнеешварцвальде тоже решил высказать свое мнение, поддержав коллегу, хотя обычно он редко считал его хорошим лидером и примером для подражания:

– Мне не нравится, что нас начинают считать наемниками, а не военными. Не военными, готовыми охранять самые жирные куски денег, власти, престижа, чтобы грязные дельцы рыдали, но не получали их, когда это было бы губительно для общества.

– Мы становимся не нужны, когда речь идет о крупных прибылях. Потенциальные партнеры говорят только о ничтожных контрактах, бесперспективных по вложению и престижу работах, а сами нашли способ выйти на первые страницы газет, совершенно забыв о том, что союзники уже давно и скромно стоят в очереди на получение грамоты? Такой же грамоты, которая положена всем, кто готов показать ум и талант? Но, еще за спиной понимая, что обход наших служб будет воспринят (не нами, но нашими самыми недоброжелательными критиками), будто нас вышвыривают нас голыми из чужого дома. – Вальтер Берггеен был в ярости.

Дитрих редко считал, что существует кто-то, кто еще не обязан Германии всем, что имеет.

– Система акций нового направления именная?

– Нет, часть пакета выпущено на предъявителя.

– Таким образом, возможно прикрытие одной компанией через другую без объявления владельца.

– Вы знаете, что если при такой системе собственности один из владельцев все же будет тайным, но у него будут украдены акции на предъявителя, участник мошенничества может спокойно занимать свое новое место, пока дело не будет раскрыто. Если сам космический бизнес, который давно считается престижным, привлечет внимание аферистов всех мастей из-за неудачных бюрократических решений по поиску мошенничества, мы получим очередной бум злоупотреблений. По законам некоторых стран компанию держателей акций можно зарегистрировать, если ими владеет восемь из десяти сотрудников являются держателями акций и есть не менее трех членов совета директоров. – Берггеен оглядел собравшихся, обращаясь к ним за комментариями. Вольф Шпетабаум начал первым.

– Вы считаете, что сама программа в таком виде возникает из-за того, что кто-то хочет быть тайным владельцем и имеет сомнительные цели?

– Я не хочу подозревать, что в открытии программ замешано лобби торговцев краденым или биологических террористов. Но буду неправ, если отброшу подозрения полностью.

– Но вы не считаете, что все усилия предприняты ради другой цели? – Отто Буркхард обращался уже к военным.

– Первое, что приходит в голову – вывоз биологических структур, их поставка, открытие новых минералов или залежей ценных геологических структур, – Вальтер Кругелёзунг уже предвкушал работу по поиску данных и бум увлечения роботами для квантовой химии, который начнется после скандала. Петер Меншзагензахе, казалось, был с ним солидарен в желании как можно скорее начинать кибернетическое сопротивление.

– Янки хотят от нас скрыть то, ради чего они вкладываются. Если им пришло в голову брать русских и опасаться нас, речь может пойти о разработках, для доступа к которым нужны сумасшедшие деньги.

– Если так, они решили руками русских найти минералы, – добавил Дитрих.

– Или их головами. Не забывайте, даже если там нашли бериллий в смеси, его надо отличить по переданным с астероида данным локации, – Бергтеен уже хотел точных данных и наполненных папок с ответами, а не вопросов.

Шеф встал и прошелся по кабинету влево, потом вернулся и выбросил в корзину какую-то мелкую бумажку, которую комкал в руке. Лицо Дитриха немного побледнело. Фриц Даттенройх слушал объяснения, дыша как ребенок. Буркхард не любил этого костолома, но, видя редкое для него желание уступить умным, поспешил набрать очки в его глазах.

– Если там что-то нашли частники, надо следить за всем внимательнее. Обычно они всегда имеют хорошие связи в правительстве. Они не будут продавать, пока не получат разрешение сверху. Кроме того, у того, кто готов должны быть хорошие контакты с военными, иначе они почти мгновенно позаботятся о том, чтобы на его месте был уже их человек. Вольф, а что думаешь ты?

– Отто, если компания по поставкам будет большая, при передаче материалов присутствует уже больше людей, другие категории гораздо ниже по положению. Они уже ищут покровительства первых или правительства, но гораздо чаще являются посредниками без собственных складов или систем перевозки. Ниже идет уже черный рынок, пока в космосе его удастся контролировать только в защите от крупных терактов.

– В любом случае, ценные минералы по международным договорам могут быть проданы только по официальными правительственным сертификатам. И за личной подписью чиновника соответствующего ранга.

– Сейчас уже нельзя передавать по заводам в космосе часть материалов по виртуальной валюте?

– Большинство старателей берут лицензию, но по ней можно передавать лишь до 10 процентов продукции, если она из красного списка, – объяснил Шпетербаум.

– Туда входят дорогие минералы.

– И ценные. Так нельзя найти жилу, богатую карналлитом, и продать свои десять процентов, не определяя девяносто оставшихся через сертификацию, так, Вольф? – добавил Тиль Краузе. Он уже начинал планировать действия на ближайшие дни.

– Но если ты свой в системе перекупок и заключения контрактов, у тебя есть возможность распоряжаться обеими частями контракта одновременно. На бумагах государственная и частная пойдут по обычной схеме, а реально можно экипировать обе части, девяносто и десять процентов, при этом жульничая. Товар находится далеко, поэтому если к системе передачи через посредников прибавить фиктивные правительственные приемки и продажи, можно передать почти сто процентов нужного для выживания в космосе катализатора к титану и магнию, вашего карналлита, только на один завод, в обход общих требований. Тиль, ты знаком с международным правом по переходу собственности из рук в руки?

– Да, Вольф. В любом случае, получение редких минералов первой категории ценности возможно по документам, которые выдаются на получателя. Тут снятие контроля за тем, через кого именно проходит товар, дает не только возможность проводить фальшивые разрешения.

Военные с интересом следили за логикой доказательств. Все защиты кибернетических систем, охрана от пыли и радиации, компенсация удара и тайная проверка лояльности казались слишком слабой крепостью перед предполагаемым натиском хаоса. Они не любили возможностей, которые нарушали любую уверенность о порядке.

– Не будем забывать о том, что крупными партиями сейчас можно продавать весь список минералов из числа разрешенных, – добавил Вальтер Клугелёзунг.

– Туда включают с утверждением в международном контроле.

– Через русских и американцев еще без проверки прошла раздача систем с лавинным увеличением количества освещения и подогрева. Ее и могут использовать для нового Клондайка, – добавил Краузе.

– Компенсируют затраты на автоматику, принудительно ставят модемы маркировки?

– Последнего пока нет, но срок достаточный, чтобы сконструировать на Земле завод по добыче под ключ и еще успеть уложить его в общий грузовой корабль, который будет стартовать с Земли.

– Что они могут считать выгодным?

– Будем логичными. Если приступ щедрости касается приборов для лазерного подогрева, причем речь идет об искусственном солнце для целого небольшого астероида не менее километра в поперечнике, объяснений может быть несколько.

– Старатели?

– Да, а в тайне держат, что именно будут искать.

Они вспомнили историю, десять лет назад нашумевшую по всему миру. Тогда в Италии слишком много политиков были заинтересованы в поступлении валюты. Умение закрыть глаза на способы ее добычи закончилось скандалом с ядерной защитой.

– Сейчас у нас будут объяснения на языке кредитов и долларов в области еще неизвестной геологии, которую все решили искать без нас и ничуть об этом не жалеют.

– Если ты хочешь обойти неприятности, найти ответ придется как можно быстрее. Он как раз даст выход оттуда, где их делают.

По мнению Вальтера Берггеена военные подвиги могли включать в себя создание места, где не было ничего примечательного, кроме созданного там покоя и тишины. Естественно, если перед этим он не был знатоком государственных бумаг, но увидел распоряжение вскрыть конверт с грифом "совершенно секретно" и провести все описанные действия, включая принципиальные планы, описанные лишь символически. Люди в масках и тренировочных костюмах, часто испачканных и ничуть не похожих на то, что можно запомнить, по одному из его старых признаний не были теми, кому он доверял. Оставаясь поклонником техники, Берггеен предпочитал интеллектуалов, которые способны были обуздать все несовершенства мира ее логичностью.

– Через месяц я хочу точно знать, что могли найти на астероидах РФ и США. – шеф контрразведки встал. – Сейчас я вынужден покинуть вас из-за важной встречи, но всем собравшимся предлагаю не расходиться, пока не будет создан план совместных действий. После его ухода некоторое время царил молчание. Вопрос Хайнике нарушил его.

– Будем ли мы считать предварительную сумму ущерба?

– Только не говорите о том, что я ее впервые услышу на пресс-конференции в международных новостях.

После того, как Вольфа Шпетербаума обошли по дипломатическому поприщу, он считал, что люди, которых считают влиятельными за границей, склонны преувеличивать значимость своей деятельности. После того, как впервые идентифицировали вирус "любит-не любит", он уже успел, подобно послушному служаке, вызвать секретаршу, продиктовать ей тезисы аргументации причин его попыток вмешаться, не забывая тревожные нотки. Военную профессию он считал еще и умением продержаться там, где большинство людей добрались до самого верха сомнительными способами, средой, где необходим особый талант умения сохранить максимум собственных сил до решающего удара. Кроме обычных отчетов, доказывающих, что лояльность вызвала в нем лавину усилий по выполнению служебного долга, Вольф Шпетербаум показал свои знания при разведывании обстановки и даже попросил увеличить квоту подставных лиц, которые обычно использовались в случае чрезвычайных обстоятельств. Понимая, что со многих точек зрения автор мощных хакерских атак был сволочью, просто сволочью, он делал все, чтобы наладить мосты там, где появится возможность уже взятого преступника использовать в целях более эффективной работы собственного ведомства. В какой-то момент ему показалось, что в отчете он перебрал с аргументами. После ознакомления с ними сразу три ведомства захотели наложить лапу на неуловимых хакеров, как только они окажутся в лапах полиции. Плохо, что только одно из них было подвластно его шефу из контрразведки. Он уже представлял себе, как, позвякивая медалями, будет расхаживать под дверями кабинета шефа внутренних расследований, пытаясь доказать важность собственных проектов, и проигрывая раунд за раундом переговоры, на которых его умные партнеры будут выяснять, почему такой лакомый кусочек они до сих пор еще не прибрали к рукам. Сейчас, когда он проверял данные по системам РФ-США по подготовке искусственного лазерного солнца, он старался высказываться как можно более туманно, если приходилось совещаться с коллегами из других армейских подразделений.

– Генерал-oberst, если пойдет серьезный товар, необходимо поставить мощный контроль в столицах, говорил он дежурные фразы, комментируя доставку новых данных.

– Не смею вам всерьез возражать, дорогой бригадный генерал. Но если у нас получится найти автора этих атак первыми, только мы будем иметь возможность предложить ему работу на нас. В том числе и под прикрытием, если окажется, что он не промышленный шпион, давно выгнанный из разведки.

– Да, если только он не окажется совершенно невменяемым.

– Вольф, я считаю, что свобода, которую он уже потерял для себя, решившись не на походы в системе поддержке талантов и продвижения научных идей, слишком большая награда. Если он попадет к нам, ее придется еще заслужить.

– Вы отказываете нашей системе в том, что она способна создать хорошую жизнь сдавшемуся нам таланту?

– Нет, что вы. Я за проверки лояльности. Но в случае выбора "или – или", я все-таки предпочел бы лояльного только талантливому.

– Не соглашусь с вами, только если мы сталкиваемся с гением.

– Почему бы и не согласиться с вами? Профессионалы – это товар.

Дрезден, Флоренция на Эльбе, где часто приходилось работать Вольфу Шпетербауму под руководством Вальтера Берггеена, не был его родным городом. Но дружба с Германом Шнейшварцвальде, уроженцем этих мест в десяти поколениях, научила его не только вместе держать удар "вэсси". Это прозвище осталось за западными немцами даже через сто лет после объединения (потом независимости, потом снова пакта об общих границах и т.д.). Постоянные стычки с Дитрихом были лишь показателем того, что мир может быть лишь при умении держать жесткую оборону. В его родной Лаузице семья Германа переехала уже после его разо-

рения. Переселенцы искали нового места не из-за того, что были бандитами и скрывались от правосудия, как часто говорили о мигрантах тех времен. Желая найти место, где можно начать собственную жизнь в объятиях свободы, тогда, через сорок лет после 90-х, в бывшей ГДР города стали превращаться в призраки. В Лаузице на улицах появились волки, которые попытались выиграть схватку с человеком за ненужные ему дома, заводы, больницы, школы. В таких городах-призраках целые кварталы сносили, но не хотели приглашать туда не простых мигрантов, а людей, готовых позаботиться о местном населении за свой счет, давая рекламу по всему миру и расхваливая прелести райского местечка, которое готово одарить своих благодетелей искренней любовью и компанией по-настоящему доброжелательных людей. Сейчас Вольф понимал, что так много уроженцев бывшей ГДР получили места на престижном задании от контрразведки не случайно. Берггеен явно рассчитывал на их знание русских и давние хорошие связи, который могут усыпить бдительность спецслужб тайны которых интересовали шефа. Шпетербаум любил собственную работу, в его понятие о долге перед родиной входило желание сделать карьеру и отказ понимать что-либо, обладавшее самыми заманчивыми прелестями, но препятствующее четкому пониманию ценностей жизни. Сейчас он знал, что его положение может измениться, но все зависит от того, что он сумеет представить Берггеену. Уже десятки раз он просмотрел записи, которые для него разложили в специальные папки. Там были сотни тысяч часов переговоров мирных обывателей и полицейских, предпринимателей и светских повес. Люди, которые не подозревали о том, что их голоса услышит не только тот, к кому они обращались, разговаривали на разных языках, разными по тембру голосами и иногда сами не думали, какое впечатление может произвести их отсутствие деликатности. Только что Вольф Шпетербаум просмотрел их уже в сотый раз. Понимая, что Берггеену нужны сводки, он решил разделить операцию на две части. Сейчас по существующим материалам нельзя было точно понять, где и в чем проблема, для решения которой пора звать армию.

– Что вы думаете об общей картине? – спросил он старшего шифровальщика Хайне, когда тот вернулся с очередной партией уже переведенных на язык его требований к материалам записей.

– Им приятно, когда они имеют возможность покопаться в космической пыли, они уважают инженеров, которые приносят им мир и светскую жизнь.

– А если вы будете рассуждать, как агент в поисках преступника?

– Я не нашел бы в этой среде радикалов, готовых пойти в бой.

– То есть, речь не идет о призывах к убийствам, не более?

– Я отметил бы и отсутствие жульничества. По крайней мере, крупного и очевидного.

– Меня беспокоят места, где мы не можем найти проблему, которая должна нас насторожить.

Из-за карьерных перспектив он понимал, что должен предложить Берггеену что-то важное, особенное. Поэтому Вольф уже на следующий день связался с ним и рассказал о потрясающей тишине.

– Затишье там, где у нас что-то не под контролем? – Интерес Вальтера можно было объяснить только тем, что на него давят сверху, желая получить материалы для прессы, ради которых политики будут публично рвать на себе волосы и набивать цену собственным усилиям. Вольф решил высказать мысль, ради которой он решил побеспокоить шефа, занимавшего такое высокое положение в контрразведке.

– Я хочу сменить тактику. Мы уже готовы оценить ситуацию, проверенную машинами и военными задолго до наступления проблемы. Именно они не обнаружили ничего тревожного раньше, они же не показывают проблемы сейчас.

– В чем ваше предложение?

– Я хочу провести несколько личных встреч.

– Что они дадут?

– Люди так привыкли к тотальному прослушиванию, что они давно научились обманывать бдительность машин и мелких служащих, обрабатывающих данные. Если мы пойдем на личные контакты, кто-то может разговориться.

– Ммм... Прошел почти месяц с тех пор, как я почувствовал опасность. Не могу сказать, что моя интуиция подводила меня слишком часто. Теперь она все еще бьет тревогу. Мы чего-то не знаем, но должны знать. На нас оказывают давление, а мы не понимаем, где стали марионетками.

– Я буду ждать ваших распоряжений?

– Не ждите. Начинайте операцию с контактами немедленно.

Тайна мира

Константин Григорьевич Крепостин знал, что он отправляется на совещание, где по имени и отчеству его вряд ли будут называть из-за того же служебного пиетета, который был у его подчиненных на сибирской базе Камчатка-243, где он впервые получил повышение. Уже после он долго оставался главным программистом Восточно – Сибирского округа, так и не получив повышения и нескольких наград. Крепостин не мог назвать причины, по которой ему так долго не давали повышения. Возможно, те вояки, которые предпочитали видеть его на тайном контроле мирных космических шахтеров всех стран, думали, что работа среди этой интеллигентной или стремящейся на престижные места публики не так важна для страны, как ее защита силами оружейников. Но ведь и главнокомандующий, которому уже несколько раз приходилось подавать рапорты о подвигах с поимкой крушителей техники и даже биологических террористов, почему-то не хотел переводить его на более почетные должности. Теперь, когда Константин оказался в числе приглашенных на встречу в Уральске, он уже не надеялся, что судьба ему улыбнется. Его мнение только укрепилось, когда он увидел, как мало военных собралось в кабинете. «Дежурный отчет, не больше», подумал он, выбирая для себя скромное место среди уже собирающихся в кабинете генералов.

Как только началось совещание, которое было посвящено указаниям последнего Совета безопасности, большинство новых вопросов и задач не вызвали какой-то серьезной реакции. Проблемы с защитой от вирусов становятся поводом даже для снятия самых непотопляемых чиновников, если под их руководством были допущены фатальные оплошности, но кадровый состав в том случае меняют сразу после того, как произошла атака или после расследования, показавшего настоящие причины отсутствия защиты. Но никаких событий, связанных с крупными повреждениями кибернетических систем в ближайшие месяцы не было. Конечно, совещания Совета безопасности часто касаются парадов, войсковых учений или неприятностей, связанных с содержанием оружия, но в ближайшие два месяца их тоже не было, а до будущего парада оставалось тоже немало времени. Поэтому на Совете рассматривали общие стратегические планы, обсуждали изобретения, давали оценку старым программам. Те материалы, которые попадали в космические войска, обычно разбирали спустя три-четыре дня. Покорители безвоздушного пространства считались одними из самых умных, поэтому им давали минимум времени на подготовку комментариев. Уже после обсуждения высший командный состав из тех, кого приглашали на личную встречу, разъезжался по местам дислокации войск, чтобы, получив поддержку собственным усилиям или новые боевые задачи, выполнять их уже в качестве командиров, под которыми офицеры рангом ниже и множество солдат защиты мира на Земле день и ночь трудились, зарабатывая славу настоящих мужчин не только в глазах своих собственных жен.

Совещание генералитета космической войск по итогам заседания Совета безопасности открыл сам Мирослав Иванович Дачин. Глава Роскосмса начал с обычного приветствия, потом передал слово офицеру, зачитавшему основные пункты постановления. Большинство

из собравшихся уже несколько дней как знали, что работы по разогреву астероидов лазерными фотонными приборами скоро начнутся в полном объеме. Еще до начала совещания в Совете безопасности космические лихачи немного побаивались реакции сверху. Разрешение на частную торговлю когда-то выдали быстро, почти два года ушло на комплектование первого корабля, который должен был отправить уже готовые излучатели на базу за пределами атмосферы Земли за счет казны. Даже в тот момент, когда в Роскосмосе спешно подали заявление на поддержку развития технологий и получили добро у правительства, большинство экспертов убеждали отдать частникам обогревательные приборы хотя бы ради форсирования технологического бума. В вечном холоде космоса большинство работ по перевозке астероидов затруднено из-за низких температур, сложнее всего было подбирать клей нужного молекулярного состава. С его помощью скрепляли камни для того, чтобы сделать некое подобие стен для базы в невесомости, а они использовались уже для заводов. Сферу, созданные из небольших камней, были полыми внутри. Из экономии их делали решетчатыми снаружи. Но клей и места стыков всегда оставались проблемой. Камни разлетались, если их еще до этого не крепили тросами. Все канаты были из композитных материалов, которые можно было уже изготовить на базах в Солнечной системе, но проблемы с креплением остались. Каждый раз хотелось сделать их такими длинными, чтобы захватить камень, как в рыболовную сеть. С маленькими осколками это получалось, но возникали проблемы с подводом в нужное место, когда его уже крепили на транспортировочную баржу и устанавливали на место в стене будущей базы.

Разогреть материал с помощью лазерной накачки решились почти сразу. Частники не подвели. При проверке груза в Королеве, когда его тестировали таможенники, запрещенных материалов не было, а конструкции поражали воображение системами разгона. Всего за два года удалось сделать излучатели эхолотов, которые с дистанции сто метров уже могли определить основной материал астероида. Дачин, подводя итоги отправки, не забыл о тех, кто сумел придумать способ форсирования технологии.

– Я благодарю каждого, кто придумал способ задействования в наших играх населения. Даже в этой небольшой проблеме именно их работа помогла проверить качество машин. Я рад, что в наших программах для массового пользователя участвуют все, у кого есть ум или желание сделать через столетия обитаемый Марс и, когда-нибудь, космический корабль для полетов в дальний космос. По прогнозам космических инженеров и экономистов десятилетней давности даже ту технику, которая сейчас отправилась на орбиту, сделать можно было лишь на пятьдесят лет позже.

– Мирослав Иванович, – взял слово Успелов Николай Аристархович, ведущий конструктор моторов, академик РАН, глава авиазавода им. Глушкова. – На космические перевозки уже вот-вот нападет Олимпийский комитет, желая устроить состязания.

– К войне мы готовы, – ответил на его шутку Дачин. – А сейчас полет космических обогревателей идет успешно. Через несколько недель они выдут к базе на орбите Земли. Там их уже ждут баржи для перевозок в невесомости. Еще до доставки цены на технику взлетели в десять раз, если сравнивать их с первыми расчетами, которые предлагали акционерам сразу после объявления получивших разрешения. Но большинство владельцев продает не больше четверти готовых излучателей. Кажется, у многих есть свои планы на его использование и они решили придержать товар для себя.

Если космические частники считают, что их техника должна еще поработать на собственном заводе, менее всего следует думать, что они побаиваются выкинуть на рынок плохой товар. Как раз он всегда и выставлен на распродажах и феерических карнавалах, которые торговцы устраивают ради возможности освободить склад и снизить цены новым поставщикам. Дачин еще продолжал обсуждение, Успелов вполне уместно вставлял замечания. Их беседа, если бы ее записали вездесущие иностранные системы, не касалась стратегических планов или конструкций, разглашение тай которых могло бы лишить страну блага, даже в виде миллиарда в

твердой валюте. Поэтому он почти не обратил внимания. Как неслышно старался двигаться штабной офицер, который в это же время раздавал гостям бумаги. Когда он увидел, что было в предназначенном для него листе, его сердце так и подпрыгнуло от радости. Конечно, ведь никто не смог бы прочесть с каменным выражением лица приказ о награждении медалью и перевод в центр, на базу Смоленск-10, которая была в средней полосе России и занималась мелкой штабной работой с частными исследованиями астероидов.

Но еще больше он удивился, когда среди букв общего текста приказа различил другие, почти невидимые и иногда спрятанные за вязью узора более яркого текста. «Наверное, это обычно для таких важных шишек», подумал про себя Константин Крепостин, разбирая секретный текст, который располагался на листе бумаги с выдержками из рецензии по оценке качества работы округа и протокольной благодарности войскам. Кабинет хорошо охранялся, его освещение было достаточно тусклым, но если какому-нибудь гению и пришло в голову поставить сюда камеру и обойти все системы шумоподавления электроники, только самое хорошее разрешение показало бы, что написано между строк, утопая в вязи букв благодарности за хорошую работу среди водяных знаков. Константин удивился, что бизнес до сих пор не смог открыть это способ защиты и продавать устройства для такой двойной печати на каждом углу. Тем более, что для считывания пришлось бы взять камеру мощнее, усилить сигнал передачи или обработки, а так она быстро стала бы жертвой антирадаров, установленных хозяевами кабинета. Еще больше Крепостин заинтересовался вторым текстом, когда прочитал первые фразы, предназначенного только для него самого. «Гриф 15 Совершенно секретно», – он не знал, для чего предназначен 15 номер, но следующая фраза его объяснила. «Продолжайте совещание так, будто вы получили только ярко видимый приказ», гласила расшифровка. Тут он поднял глаза и сразу же пожалел, что невольно выдал себя для камер противника, если они усеивали тайные углы кабинета. За его реакцией следили генерал-лейтенант Мартьянов из спецслужб, Михаил Петрович Востоков, глава отдела кибернетики и еще какой-то неизвестный ему генерал-полковник. Он буквально ощутил на себе силу их взглядов, почти гипнотически заставляющих подчиняться их силе и не выдавать своей реакцией, что существует еще и второй текст, который военные хотели бы оставить тайной для всех. Уже после этой встречи Константин вспоминал, что остановки внутреннего импульса от самого Дачина он не почувствовал, но потом ему пришлось не ставить это себе в заслугу. Излишнее внимание главы Роскосмоса только выдало бы его, как не умеющего соблюдать секретность.

Но сейчас он снова опустил глаза и делая вид, что его радость и волнение связаны только с получением наград, пробежал глазами вниз по почти невидимому тексту. «Этот текст исчезнет через двадцать минут, запомните его. Вашей задачей на новом месте будет исследование реакции массовых пользователей космическими играми. Кодовое название операции для вас – Исследование воспитательных методик, но его дополнительные пункты будут меняться, на ближайших два месяца это Сбор статистики по влиянию на зрение», «Умно», – подумал Константин. Он даже посмотрел на часы, чтобы отметить время, 10:25. «Кстати, как они добиваются, что текст пропадет через час или через двадцать минут, а не в 10:45, что было бы логично, если речь идет о печати краской, исчезающей, скажем, через три часа после выхода из принтера?» Он снова взялся за текст. «Ваша новая работа будет сбором данных по игрокам. Боевая задача – следить за тенденциями, которые заставляют общество, особенно наших противников, уходить от создания оружия в систему космических разработок. В первую очередь вас должны интересовать все, кто иначе занялся бы созданием биологических наступательных вооружений и психотронного оружия. Ваш отдел будет заниматься поиском методов, которые дадут видимые результаты. Армия потенциальных преступников должна будет оставаться в системе жизни на космических шахтах и перевозках. Обсуждать эту тему запрещено. Меры по созданию оттока потенциальной армии входят в ваши служебные обязанности. Вся операция проводится под грифом Совершенно секретно. Помните о том, что уже двадцать лет не нашлось человека,

который сделал бы ее добычей разведки врага. Дополнительные инструкции вы получите на базе Углич-18». Крепостин делал вид, что слушает Востокова, который сейчас обещал хорошие перспективы для приборов, что в одном блоке осуществляют контроль за несколькими видами радарных измерений, и запоминал текст. Он исчез ровно в 10:44. Только потом Крепостин подумал, что само его проявление могло быть следствием манипуляций штабного офицера, который подал ему текст, а не расчетом времени после печати. Военные совещания проводят так, что если существует опасность утечки, время и место могут перенести. Поэтому печатать пришлось бы или почти во время собрания, а это отвлекает шумом и создает соблазн поставить в большое по размерам электронное устройство жучка (Константин постарался запомнить, что надо предложить эту идею шефу, уже для сюрприза противнику), а шум прибора может заглушить волны передачи текста прямо во время совещания, даже если туда же воткнуть маленькую плату для прослушивания и мгновенно получить все, находясь хоть за океаном. Но сейчас Крепостин уже внутренне подтягивался, чтобы в Углич приехать уже производя вид достойной смены лучшим программистам страны, которым достается такой странный и нелегкий труд. Может быть, журналистам или представителям общественных структур показалось бы странным, что борьба за влияния на массы ведется таким образом. Но тайны нужны были и для того, чтобы оттянуть реакцию тех, кто протестует лишь поддаваясь внутреннему импульсу, не умея собственным умом и волей выбрать оптимальный путь для себя и других. После окончания совещания к нему подошел Востоков.

– Поздравляю вас с назначением, – начал он.

Крепостин ответил, как подобает совершенно довольному офицеру, который всю жизнь посвятил служению отечеству. Михаил Петрович выслушал его без попыток перейти на панибратскую беседу, ему вообще было свойственно держать дистанцию с подчиненными. Однажды Константин слышал, что такая привычка помогает снижать эмоциональное истощение, возникающее как следствие излишней сердечности или больших усилий в унижающем человека давлении сильного, жалеющего видеть яркое подбострастие.

– Не буду утверждать, что вам предстоит слишком легкая работа, – продолжал Востоков. – Но это назначение нельзя назвать боем на важном для нас фронте, где для вас важен прорыв или гибель за родину.

Константин, по-военному выпрямившись, смотрел ему в глаза, понимая, что все будет наоборот. Он был благодарен, серьезен и рад, что его талант, наконец оценили по достоинству.

– После награждения даю неделю на отдых. Потом будет переезд на новую базу. С собой разрешаю взять полтонны вещей.

– А технику, – осмелился спросить Крепостин.

– Пойдет отдельным контейнером. Все, что можно заменить, дайте списком. Вам выдадут новое оборудование.

Крепостин понял, что такое полное неумение видеть стратегические цели и не стать жертвой своего легкомыслия, только дома. Его жена Вера откровенно радовалась переводу на базу для штабных и бездельников, о которой давно ходили легенды. Смоленск-10 казался ему самому подобием пропавшего для врагов древнего города Китежа. Но она, зная больше его славу учебной базы второго сорта, так тщательно скрывающую настоящие цели работы, принимала слухи за правду. Ее уверенность была подкреплена длинными проводами, ведь на важные объекты военных переводили иногда ночью. В любое место планеты уезжал вначале офицер, а потом, терпя трудности из-за дороги по защищенным от лишних глаз путям, и оставив на месте нужные для хозяйства вещи из-за скромности размеров багажного отсека, к нему прибывала семья. Конечно, так было, если военного переводили не на фронт. Крепостин попенял Вере за то, что она слишком легкомысленно относится к его карьере, и даже подумал,

что отсутствием повышения он обязан ее разговорам с подругами, по которым он прослыл не достаточно нужным для настоящего дела. Потом он решил, что Смоленск-10 – это и есть награда и повышения, а забыли о нем только ради того, чтобы усыпить бдительности потенциального противника. Все же, Веру за ее не патриотичную радость он ругал, это было уже от внутреннего неделание видеть, как из его половины кто-то неумолимый, вроде бытовой грязи, воспитывал врага отваги. Та сникла, но не скрывала своего желаниа прожить всю оставшуюся жизнь, помогая мужу оставаться нахлебником армии с хорошим материальным положением. Дети, Федор и Борис, отнеслись к переезду с радостью, но ее омрачала будущая разлука с друзьями. Федор неплохо учился, Борис оставался душой компании и как минимум третьим красавчиком класса. Но Константин не стал жалеть, что его Боречка никогда не женится на племяннице генерала Пепелова Лиде, хотя она сходила по нему с ума и была выгодным браком для его семьи.

– Там есть физико-математическая школа?

Федор спросил это у него только через два дня после объявления об окончательном переезде. Он собирался, не забывая книги и свои мелкие детский драгоценности. Несколько раз решил сфотографировать на память свою комнату и деревья в парке, расположившись на их фоне на скамейке.

Новый дом показался таким же пустым, как любое место, которое до приезда первого хозяина никого не интересовало. Работа в Смоленске-10 почти сразу озадачила Константина. Он часто имел дело с техникой для полетов, неплохо разбирался в роботах, мог сделать программу, в которой будут принимать участие не только специалисты, скажем на роботах для шахты, но и не меньше сотни людей с улицы, которые уже за своими компьютерами помогут обработать их данные. Крепостин виртуозно умел придумать для них такие задачи, когда их усилия будут уместны и нужны. Режим работы для его структуры определили очень свободный. Он мог выезжать за пределы городка и иногда проводить время за поиском в сети интересных материалов, а время засчитывалось ему как научная работа. Когда он осмотрел, сколько материалов по космическим играм уже готовы ему были дать партнеры, стало понятно, что только просмотр данных под руководством опытного администратора уйдет не менее недели. После первого визита в Углич-18, когда его спросили, чего не хватает в системах для игроков, он только пошутил: «Дворецкого у достойных немолодых леди». Когда он только получил приказ начать работы по защите от биологического оружия иностранцев, ему представлялось, что придется делать сложную технику с неопытными рабочими, которые не способны принимать все меры по защите от утечки, на хвосте у него будут висеть все иностранные разведки, бряцающая оружием и позвякивая канистрами с ядом, а он отправляется почти на смерть, в места, полные неизвестных инфекций. Сейчас осмотр своего нового хозяйства его приободрил. Внешне отдел выглядел как контроль за торговлей, куда входил и мониторинг проблем. Искать преступников (а он не понимал расследований, которые не способны предложить выводы по защите от бандитов) приходилось пока только на технике, использование которой в случае провала не грозило ему такими же санкциями, как и контроль за оружием.

Шахматная партия

Объяснение перспектив и поиск всех возможных тайн русских шел везде, где контрразведка могла получить для себя материалы, то есть, места, куда не заглядывали, существовали только из-за отсутствия идеи посмотреть именно там, а не из-за невозможности там все проверить. Бергтеен чувствовал особый интерес военных РФ к космосу, но хотел знать точно, ради чего на его освоение бросают столько сил и средств. Логика подсказывала, что там могут быть

обнаружены материалы с уникальными свойствами, но он не хотел ждать, пока начнется поток перебежчиков ученых, которые ради солидных сумм приедут в Германию или НАТО с подробными рассказами, поднимающими завесу над тайной. Герман попросил дежурного подготовить ему материалы по Саксонии и связям с русскими мигрантами. Тот, бросив на ходу: "Найду все про каждого, кого увидели на улице начиная с 21 века", принялся за изучение базы данных.

Через несколько дней стало ясно, что для поиска понадобятся профессионалы. Военные контрразведки не любили места, где мало к чему можно было придраться, а тут как раз все было слишком чисто. Проанализировав сводки и разговоры, Вольф Шпетербаум все еще не был уверен в том, что готов назвать место, полное опасности для Германии или хотя бы слабый точки в обороне русских. Злоупотребления при системе, которую описывал Берггеен, могли быть, но создание схем для перехода на подпольный рынок он не мог назвать основной тайной целью противника. За те недели, которые он посвятил изучению доказательств, вышли два указа, которые регламентировали продажу по ведомству надзора за космосом. Шефа беспокоили схемы черных переходов акций, но большинство из работе велось через такие поднадзорные системы компьютерных сетей, что желающим исключить все собственные данные из реестров мог оказаться всего лишь тот, кто боится слишком осведомленных конкурентов из-за банального ограбления или убийства, но в случае неприятностей готов был предоставить, даже после смерти (с помощью автоматике), все данные о собственных фондах. В то же время Вольф понимал, что Вальтер ищет, к чему придраться, еще и пытаясь отстоять честь собственного мундира, борьбу за место, которая уже принесла ему положение и власть. Берггеен не хотел их терять даже из-за сомнений, пусть даже поражая потенциальных недовольных новыми страхами. Он не мог себе позволить думать, что кто-то кроме него может делать все правильно или неплохо, считая саму такую идею гибелью для Германии, опирающейся на силу военных ради собственной сонливой стабильности среди провинциалов. Берггеен искал любые способы доказать наверху, что опасность есть, поэтому Шпетербаум лихорадочно выбирал поводы еще до того, как политики под воздействием демонстрантов или выпитого вчера с друзьями коньяка будут наседать на него, надеясь показать свою осведомленность и его ничтожество. Он был храбрым бойцом, а его существованию угрожала война, пусть и только с демонстрантами и капиталом, на который нельзя было поднять форменное оружие.

Вольф Шпетербайм еще думал о том, как тянуть время, пока не было ни одной идеи по заданию Берггеена, когда узнал о событиях, заставивших его немного отвлечься от поиска способов обнаружить опасные планы русских и стереть в порошок каждого, кто хотя бы немного может угрожать Германии, пусть это будет даже первенство в каких-то таинственных передвижениях войск, вероятность удара которых еще остается призрачной. Недалеко от его нового штабного кабинета был ресторан, куда он иногда заходил, чтобы перекусить, чувствуя себя настоящим большим человеком. Наверное, после его пятого его визита к очаровательной госпоже Гретхен Мюллер, секретарь Ганс Шнее подошел к нему с данными о том, сколько людей проявили слишком много внимания к его появлению там и походам от офиса к ресторану. Он не был первым помощником Берггеена, только поэтому Вольф спокойно выслушал его рассказы о разведчиках, становившихся жертвой собственной неосторожности и заканчивающих жизнь в отчаянном бою. Им пришлось вступить в схватку только из-за собственной непредусмотрительности, даже если их руки умели выхватить оружие быстрее гангстера, а техника превосходила все человеческие способности напасть.

– Вы смотрели новости по оплате техники для обнаружения присутствия частот?

– Что там? – Вольф поинтересовался с видом младшего, который способен с восторгом относиться к каждой мысли начальства.

– Звонил с отчетом Зигфрид Хайне. Его данные были предназначены другой службе, но Вальтер Клугелёзунг попросил поставить вас в известность.

– Новости связаны с нашим расследованием?

– Нет. Или почти нет. Поступили данные о новых исследованиях. Это темы, заявленные по ведущим университетам НАТО, СНГ и Китая. В подборке данных есть уже начатые работы по композитам и пластикам, которые вырабатывают фантомные материалы.

– Вы принесли мне материалы или мне их необходимо получить?

– Нет, не ждите, что я дам вам доступ к секретным данным, – секретарь вынул из папки, с которой пришел, несколько листков бумаги, положил их на стол Вольфа.

– Ганс, я ценю вашу дружбу, – вежливо поблагодарил Вольф.

По результатам подборки он почти сразу увидел, что не было специальных выводов о том, что интересует молодых специалистов Юго-Восточной Азии. Вольф решил спросить об этом у Шнее и обрадовался, получив задание сделать собственные выводы по этим материалам. После срочного просмотра он решил, что мало кто из европейцев интересовался безотходными и горючими технологиями для роботов. Одна из его помощниц, которая формировала блоки для архивов, за несколько дней, когда ей пришлось делать правки специально для служб Берггеена, поменяла место работы почти сразу же.

– Марта попросила передать, что сегодня не сможет приехать, – сказал Ганс Шнее, когда он спросил, вернется ли к нему его милая невысокая и всегда серьезная приятельница.

– Мне ее ждать через несколько дней?

– Вероятно, нет. Она получит место на другой базе.

После повышения первого человека из его группы он решил немного отдохнуть перед тем, как выступать со следующими предложениями. Под видом личной проверки собственных служб и расследований Вальтер решил поехать с инспекцией по штабам Восточной зоны.

Дрезден находился так же близко к польской границе, на и Берлин, но южнее. Баутцен был центром Лаузице с древних времен, столетиями в этих землях жили сербы и поляки. Наверное, поэтому Вольф решил, что ему необходимо увидеть хотя бы несколько человек из этих мест лично или поручить Отто сделать все, чтобы понять тех самых боснийских сербов, которые веками умеют позвать русских на свою защиту. Его проверки были тактичны, ведь ему все больше хотелось посмотреть на людей, способных оказать влияние на огромную страну.

Вольф Шпетербаум ехал от города к городу на автомобиле или пересаживаясь в автожир, проезжал мимо одного поселения за другим. Впереди был парк князя Пюклера в Бад Мускау. Этот живописный район в английском стиле привлек его внимание тем, что вокруг было слишком мало техники. В служебном докладе он отметил необходимость увеличения казенных расходов на его электронную комплектацию. Дополнительным пунктом экспертного заключения он просил оставить задание на роботов для Бад Мускау в среде космических техников. Он аргументировал свою просьбу тем, что живописное место с историей должно произвести хорошее впечатление на интеллектуалов иностранцев. В будущем он надеялся на повышение уважения к собственной стране с ее культурой и историей и привлечение туристов, ведь работы в невесомости и жизнь ее техников давно стали предметом для подражания истеблишмента.

Для доклада он проанализировал уже существующую защиту памятника архитектуры. Слишком мало по его мнению было и техники для защиты от пальбы огнем, это уже касалось изобретений роботов-телохранителей. В список, который уже включал все основные исследования, которые включали ведущие школы мира, он добавил от себя заказ на перехват тепловизоров и этим даже заслужил похвалу Берггеена и небольшую надежду на то, что дело с марсианскими программами русских сдвинулось с мертвой точки.

Фридрих Старкевинд, новый помощник Вальтера, уже комплектовал папки, в которые заносили данные по невесомости. Тут были материалы о количестве людей, собранных ради техники, горы протоколов, которые содержали сводки об игроках, людей без квалификации, участвующих в системе поиска и доставки. Старкевид уже докладывал ему, что среди них много иностранцев, а правительство без проволочек дает минимум денег тем, кто сумеет сделать привлекательные для них работы. Его агенты докладывали, что русские пытаются сделать

новую систему чем-то вроде светского салона, не акцентируют внимание прессы на низких затратах и большом охвате аудитории. Влияние? Это была уже зацепка. Он поделился своими мыслями с Германом Шнеешварцвальде и Отто Буркхардом, которые работали в его группе. Пока все трое «восточников», считающиеся экспертами по влиянию русских на Германию хотя бы из-за знания собственной родины, считали, что на первом месте в изучении проблемы они поставили бы коррупцию и неумение сделать все без странного засыпания на ходу, из-за которого рушится большинство самых хороших планов. Но вслух они говорили только о желании искать хорошо спрятанную тайну ради Германии и ее блага. Обоим он предложил посмотреть на реакцию знакомых, они согласились.

После того, как закончились первые переговоры о продолжении опросов уже с личным участием членов совещания с Берггееном, Вольф предложил Отто поискать там, где живут самые благородные люди на свете, то есть на родине, что сейчас ожидают от науки самые умные.

– Ты готов лично поискать утечки там, где живут геологи космоса?

– Если нам повезет найти того, кто не отличается большим умом, он может дать нам наводку еще до того, как кончатся деньги на оплату информаторов, – засмеялся Отто.

– У тебя на примете есть кто-нибудь?

– Да, но там твои люди не должны кричать, подобно Колю, что ФРГ была лучше, чем ГДР.

– У тебя там еще осталось влияние?

– Пока только надежды, – Отто ушел от ответа, хотя уже думал про себя: "Виссарбайтер, надо связаться с ним".

Вальтер, как и они, надеялся, что это задание даст ему долгожданный повод сделать карьеру, поэтому он лихорадочно думал, какой вариант боя предложить для достойного ответа. Изучив материалы, он не сомневался, что надо проводить совместную работу, пусть даже и в программах, которые уже давно ведут русские и под их началом. Аргументом в пользу этой идеи он назовет слежку за всем, что происходит у них, причем силами, которые будут куда больше, чем если бы среди них не было ни одного собственного человека, а наблюдения велись бы только со стороны. Эта же система даст влияние, оно пригодится, если пойдут хорошие открытия. «Русские умны, но им слишком часто не хватает стабильности, чтобы дожить до получения дивидендов со своих вложений», – подумал он. «И быть в этой системе как минимум сто лет не принимая решения о выходе под любым предлогом», – записал он в протоколе экспертного решения.

Отто Буркхард, еще один коллега Вальтера, которого он мог назвать своим другом, был родом из Хойерсверда, округ Баутцена. Он был уже почти дрезденцем. Шахты, из-за которых когда-то ГДР, его родина, была желанным местом работы для большинства молодых специалистов при восстановлении страны после войны, в первой четверти 21 века почти полностью разорились. То же самое произошло с горнодобывающей промышленностью обитающих там людей крепкого сложения со степенными манерами. Его родные места за последние триста лет пережили взлеты и падения, которые становились уделом нужных и ненужных земель Востока. Саксония тут не смогла вовремя решиться на программы, которые спасли бранденбургский Шведт.

Старые друзья Отто, которым нельзя было знать о его работе в контрразведке, догадывались о его военной карьере. Но он достаточно успешно обманывал их, рассказывая о своей работе придуманные им и его начальством в разное время легенды. Из-за этого они считали, что он пошел в военные, удачно устроился на дипломатическом поприще. Из-за отсутствия

талантов, но большого туповатого рвения его брали на перевозку почти ничего не значащих, но официальных депеш, из тех, личная передача которых нужна была только для соблюдения этикета. Он рассказывали и о своих «подвигах», большинство историй было о значительных по цели, но всегда провальных переговорах, где по мнению слушателей ему не хватало таланта, хотя он был достаточно грустен и суров, выполняя поручение. Этим историям хватало для того, чтобы его бывшие друзья не завидовали ему, и даже отвлекало его врагов от попыток расправиться с ним. Уж очень были искренны те, кто в разговорах между собой, большинство из которых могли попасть в руки его противников почти мгновенно, жалели его из-за неспособности быть умным, которая по их же мнению компенсировалась почти магическим оптимизмом.

– Ты все еще в борьбе? Верь, что ты старался, но у тебя ничего не вышло. Подумай о букве А, герр Буркхард. В жизни все получается только у тех, кто сумел пробиться, и стать первым. Даже если для этого он использует хитрости. Смешно, но тут можно назвать и ту самую букву, которая у твоих подопечных связана с первенством на небе. Аладдин вызвал своего джина из волшебной лампы, чтобы сделать его своим рабом, а уже потом заставлял строить для себя замки и добывать принцесс. Фирмы предпочитают выбирать названия на А, чтобы потом, в списках раздач, занимать первые позиции. В интернете таким способом они остаются на первых местах в каталогах, где каждый открывает только первую страницу для того, чтобы полистать немного и понять, что ему интересно в гостях у владельца...

Отто Буркхард уже почти час слушал, как разглагольствовал его собеседник. Было пять часов вечера, сегодня его подняли с постели почти в пять утра, обещая себе хорошие новости. Информация, которую предоставили ему друзья... почему предоставили? Когда он попросил Гюнтера поговорить с кем-нибудь из компании Тути Виссарбайтера, тот отнесся к его просьбе настороженно. Но почти час поддакивания, внимания, обсуждения биржевого краха и упорной решимости их общего знакомого, старика Ганса Майера, которому в детстве они оба завидовали из-за его умения рисовать и философствовать, сделали свое дело. Гюнтер, наконец, перешел к обсуждению, которого он так долго ждал.

– Я знаю, что ты стал большим человеком. Я никогда не мог представить себе, что тебя будут интересовать арабские крестьяне, которые до сих пор не могут собраться с силами и отстаивать свое право пройтись по антикварным лавкам, бывать на свежем воздухе среди деревьев, которые они же насажали в пустыне для того, чтобы круглый год собирать с них урожай и путешествовать в их тени.

– Боишься, что из-за моего интереса потеряешь работу?

Высокий, широкоплечий, крепко сложенный Гюнтер внешне казался больше солдатом, чем Отто. Из-за холода сейчас оба надели свитер, но даже шерсть на нем выглядела более типичным, но не невзрачным. Буркхард давно не видел своего детского приятеля и сейчас понял, что долгое отсутствие меняет отношения людей. Теперь ему надо было снова завоевать его доверие. Он подумал, что до сих пор не сделал слишком много ошибок, попросив Гюнтера Хауса разыскать для него возможность участвовать в бизнесе русских через подставных лиц. Если бы он заподозрил неладное, то давно поймал бы его намеками на связи с системой репрессий за несуществующие или раздутые провинности. Гюнтер не был умным и не славился жестокостью, Отто любил его когда-то за человечность и умение уступать ему, как заводиле и тайному лидеру. Прошло много лет после того, как они оба выросли из школьной формы, он не раз пытался найти для своего старого приятеля место получше. Но тот упорно отказывался, предпочитая минимум удобств и компанию, которой интересно было бы послушать о его представлениях о жизни. Буркхард однажды даже предложил ему писать книги, но тот не захотел, объясняя свою позицию интересом к личному общению с людьми, а не психическим атакам, которые убивают в ораторе человека, стоит его книгам быть прочитанными миллионами досужих обывателей. Гюнтер Хаус верил в то, что публичность делает человека мишенью для астрального врага, которым становится каждый человек, ведь все ждут от других чуда, но никогда

не стремятся оценивать себя с той же позиции. Он был совсем не таким, когда давным-давно Ганс Майер показал друзьям свою домашнюю реликвию, часть какой-то стенки, оформленной как настольная статуэтка. Тогда многие жители бывшей ГДР держали их, как амулеты. Некоторые целители обещали, что они приносят удачу. Этнографы в никому не интересных изданиях публиковали статьи о том, как такие предметы местные жители обожествляют. Ганс не водил их в какую-нибудь тайную полуподвальную ложу, где таким же стенкам, как у него на столе, поклонялись в ритуальных культах. Но он верил, что эманации этого предмета приносят ему удачу. Недоумевающим мальчишкам он долго объяснял про стресс, который заставил первых жителей ГДР после объединения не выходить из домов и прятаться за стенными собственными дома, когда публично снесли преграду между странами. Тогда его объяснение не казалось им таким смешным, как Отто понимал его сейчас. Они даже подержали свои детские руки над святыней, чтобы ее благодать помогла им быть более стойкими и удачливыми в будущей жизни. Буркхард поймал себя на мысли, что сейчас ему не хватает такой же стенки, но только для уверенности в своих дальнейших действиях. Все же он был военным, а не отпускником-торгашом.

– Я не буду настаивать, если ты не хочешь попросить для меня места получше. Я сам разбираюсь в космических шахтах. Конечно, на уровне любителя. Но мне так хочется не терять времени на то, чтобы найти там место получше, – Отто пытался ослабить бдительность Гюнтера, дать повод для нового разговора.

– Ты хочешь знать, как работать с русскими?

– Не обязательно. Но мне нравится немецкая сплоченность, благодаря которой компания цивилизованных людей уже нашла для себя что-то стоящее.

– Отто, ты хочешь компании или денег?

– Представь себе, я не знаю.

– Ты уже заработал достаточно и хочешь хорошо провести время до пенсии?

– Нет.

– Тебе не грозит отставка?

– Не больше, чем десять лет назад.

– А ради чего ты решил не просто сам посмотреть рекламу, но так таинственно просишь советов?

– Я хочу более счастливой жизни. Много говорят о том, что космические шахты – это стиль жизни. На этих программах уже десятилетиями психологи и академики придумывали что-то вроде дорогого ресторана, в котором любители будут поглощать духовную пищу, которая сделает их цивилизованными и более духовными, не усиливая гипнотических способностей ради влияния, приносящего обычно очки сектам. Кроме того я слышал, что Ройхшпетер придумал какое-то интересное дело, но даже вкладчиков берет по рекомендации. Мне она нужна.

– Не строй иллюзий о рае на Земле, который уже создан.

– Хорошо, Гюнтер. Но все же я очень хочу среди сотни тысяч сайтов найти те предложения, которые считаются нормальными для светской жизни великих умов Германии.

– Отто, но это ищут в Берлине или за границей.

– Я не о светских хрониках. Мне хочется быть там, где хорошо тем, среди кого я вырос.

– Тебе кажется, что на родине лучше знают, что человеку нужно для души?

– Да, – с радостью согласился Буркхард. Тем более, что такого мнения он придерживался втайне от всех, размышляя о собственном предназначении задолго до этой встречи. – Я хочу быть там же, где мои друзья.

– Ты так давно не был дома, что забыл друзей. И мы стали иными, – Хаус внезапно насторожился и Отто поспешил его успокоить.

– Гюнтер, я хочу просто быть, как все. Но не среди хулиганов или людей, так и не ставших настоящими мужчинами. Мне нужна не только стабильность, в которой нуждается каждый

человек с корнями. Я хочу пойти путем тех, кто нашел для собственной души то, что ей не хватало.

– А если не все из найденного будет только истинно немецким?

– Не думай, что жизнь наверху сделала меня слишком важным человеком и трусом, не способным среди манящих огней рекламы чужих товаров забыть естественный солнечный свет.

Прошло больше семи дней перед тем, как Гюнтер Хаус решился ему позвонить. Он попросил встречи дома, в кафе или в общественном месте. Отто догадался, что местные воротины решили проверить его, ведь так все разговоры между ними будут записаны системами прослушивания здания и попадут в общую систему города. Буркхард не сомневался, что нужные ему люди тут очень влиятельны в полиции, теперь его подозрения только подтвердились.

Отто немного подумал и решил, что будет не лишним показать Гюнтеру, что и он остался таким же философом, которым тот помнил его с юности.

– Ты обращал внимание, как люди любят рассматривать старые фотографии или случайно найденные свои детский сокровища?

– Да, – ответил Хаус, стараясь понять его идею.

– Ради чего он это делает?

– Ему нравится прошлое, наверное.

– В это время он чувствует какую-то часть жизни, которая вызывает в его душе приятные воспоминания?

– Соглашусь с тобой.

– Таким образом, человек привносит в собственную жизнь новые чувства. Он ищет детали, которые их вызывают не только ради воспоминаний, но и ради возвышенных чувств.

– Их вызывают уже похороненные, но воскресшие в душе воспоминания, – попытался продолжить его мысль Хаус.

– Отчасти ради них я ищу, где на космических программах я найду толчок для себя, – подытожил Отто.

Гюнтер пообещал познакомить его с местной звездой космического клана, Дитрихом Цайтом, но предложил для этого пойти вместе в театр. Буркхард выслушал его предложение и сразу же согласился. Он хотел тянуть время и куда-то ходить или ехать, потому что на Вальтера Берггеена, как и на каждого не профессионала в электронных системах, производили впечатление люди, которые не только сидели за компьютером. Отто хотел, чтобы его работу ценили наверху, поэтому он обрадовался случаю. Все же он не забыл спросить, какой будет спектакль.

– Ничего особенного. Ничего из того, что ты привык видеть за границей, – отозвался Гюнтер.

– Ты хочешь сказать, без спецэффектов?

– И даже классика. Будут давать «Марата».

– Его, кажется, убила сумасшедшая Шарлотта Корде?

– До этого он стал первым революционером мира. Но его кровавая битва убила и его самого, как и его дело улучшения жизни общества.

– Будет умными, учась на ошибках исторических личностей, – добродушно заметил Отто. Если встреча с лидером местных подпольных кумиров была назначена на этом спектакле только для того, чтобы предупредить его о возможных последствиях разрушения жизни людей на его родине, их можно было считать неглупыми людьми.

Когда началась мода на королей космоса, даже если так называли всего лишь владельцев сайта побойчее, которые смогли сделать свою игру более публичной, мир еще не окреп после демографической катастрофы, которую повлекло объединение Германии. На фоне прочих вымирающих земель Востока Шведт оказался городом смельчаков. Он тоже превращался в брошенные территории, но там власти сделали все, чтобы вызвать соотечественников и тех, кто готов был строить новую родину с территориями бывшего СССР. Недвижимость земли, которая взрастила когда-то династию Гогенцоллернов, последних императоров страны, в этот момент казалась не нужной никому. Новые короли бизнеса, от мочалок до туалетной воды, возникали, как армия крестьян, когда-то поднимавшихся по мановению руки великого герцога, даже если ему нужно было послать их на верную гибель. Во времена социализма говорили о том, что короли исчезают из-за революций, когда они теряют способность вовремя решать политические проблемы. После падения стены стало ясно, что новые короли, магнаты и гангстеры, не способны воссоздать величие земли, ставшей родиной немецкого гуманизма уже после падения монархов. Почему новые короли не захотели занять место прежних? Эту мысль часто обсуждали историки. Многие из них обвиняли в падении благополучия тех, кто уже несколько десятилетий был хозяином этих мест. Люди так привыкли не давать ничего тем, кто не предлагал им хорошую жизнь взамен, что их сопротивление защищало родные места от хищников с деньгами. Они, с верностью собственным принципам, не хотели быть рабами любого, кто не отличался благородством и умирали, так и не решившись поддержать кого-то из собственных лидеров, помогая ему работать на их благо.

Отто удивился, увидев на театральной постановке совсем немного знакомых. Он спросил у Гюнтера о нескольких общих знакомых, ожидая увидеть среди собравшихся их изменившихся или посмотреть на их детей.

– Девушка во втором ряду слева – внучка нашей учительницы физики, – ответил тот. – Мужчина в третьем ряду, слева от нас, Вильгельм, до сих пор живет в соседнем доме.

– Он постарел, – узнал знакомого Буркхард.

Зал был наполовину пустой, многие зрители были из приезжих туристов. В антракте большинство зрителей прошли в буфет. Отто заметил, что они неплохо ладят между собой, но не любят поговорить. Гюнтер подвел его к компании людей, которые выглядели модно по сравнению с остальными. Они обсуждали что-то до того, как Отто направился в их сторону. Заметив их с Гюнтером компания разделилась. Несколько мужчин и женщин помоложе отправились за другой столик, двое мужчин постарше потеснились, освобождая место для гостей.

– Макс Бауэр, – представился седой крепкий мужчина.

– Мой друг и коллега Ганс Зее, – Гюнтер представил его немного более молодого спутника, который пил кофе из тонкой чашки. Он был одет в костюм. Буркхард заметил, как хорошо сидит на нем одежда. Только после некоторого размышления он понял, что дело не в хорошем портном, а в особенности фигуры и выправки Ганса. Его можно было принять за потомка аристократов.

– Вы хотите узнать, что такое наша нынешняя светская жизнь, Отто?

Макс добродушно поинтересовался у нового знакомого его планами, как бы оценивая его.

Эти места, как и большинство провинций Восточной Германии, называли городом-призраком. Звать переселенцев для того, чтобы хоть как-то заполнить умирающие от отсутствия детей города решили не Георгий Романов и его отец, прусский принц из Гогенцоллернов Франца-Вильгельм, который был правнуком последнего короля Германии Вильгельма и потомком двоюродного брата Николая II. Русским из бывших царей страны этой ветви было страшно отказаться от притязаний на престол страны в надежде на реставрацию монархии еще после революции, когда Кирилл Романов, несмотря на протесты Марии Федоровны, объявил себя претендентом на престол. Но его семья оказалась в стороне, когда родина уже их прусских

коронованных родственников, тоже отстраненных от власти революцией, появилась во всех сетях мира в разделе загадок цивилизации. Путешественники выкладывали кадры, где на чистых и ухоженных улицах совершенно не было людей. Застать их вне дома не удавалось почти никому. Семья Тути Виссарбайтера была из тех, кто приехал когда-то из Москвы, заняв после переселения места в управлении социальной сферой и сделав настоящий переворот в понимании благотворительности. Однажды он был свидетелем по делу о переводе средств через третьи заграничные компании, но Отто, который вел это дело, предпочел отпустить человека, который всем вводом показывал, что он и его знакомые делают все только ради возрождения собственной родины. Почти с той же удалью, что и потомки королей, его жители конца 20 века делали все, чтобы защититься от беженцев, а первой половины 21 века – искали русских или русских немцев, чтобы хотя бы в родном городе предложить им остаться королями, способными противостоять всем тяготам судьбы. Не все усилия были тщетны, но Шведт, несмотря на трудности, не сдавался. В первом десятилетии 21 века там жили 35 000 отчаянно сражающихся за клан покрупнее. Уже к середине века удалось не только блестяще провести рекламную компанию по никому не нужным землям королей Германии и России, но и заполучить из обеих стран переселенцев. Ажиотажный спрос был в бывших коммунистических странах, не отличающихся слишком тугими кошельками, но за отсутствием прочих новоселов, были рады и этим. Они оказались приятными людьми, которые любят вступать в контакты по личному без особого желания отобрать все, что было у растяпы.

Сама компания по переселению восточных немцев с ее шумными историями началась в качестве компенсации за возрождение страны переезжающим братьям. Сейчас потомки всех трех королей, включая советских, держались вместе и к чужакам относились жестко. Тути Виссарбайтер был тому прекрасным примером. Отто пришлось несколько раз пообещать дополнительные вложения в программы и микросхемы из золотого запаса, прежде чем ему пообещали хотя бы доступ к простенькой камере для нанокино. Все найденные им потом данные содержали информацию, но не занимали какой-то конкретной позиции по ее оценке. Серьезных секретов не было. Для предъявления результатов все было слишком мелким, ничтожным. Но он все же решил передать материалы, чтобы их посмотрел кто-то с более свежим взглядом.

На предоставленных опросах был всего один разговор с агентом, опрашивающих спецов под видом перекупщика, который немного заинтересовал Вольфа. Это был некий Сиси Ройхшпетер.

– За определенную цену я готов предоставить вам информацию по определенному количеству единиц доступа к базам этого товара. Вы правы по поводу невозможности получения "белого входа" или "черного входа". В самих контрактах скрыто все. Но если вы готовы предоставить мне определенную финансовую свободу, любое деловое соглашение между нами должно включать дополнительные гарантии по свободе для меня и моих людей. – Только сложность работы заставляет нас вообще обращаться к вам, – отвечал ему Мартин Ваале, один из офицеров, который выступал в роли покупателя.

– Бумаги превыше всего, – нараспев еще раз повторил неприятный и слишком жирный тип.

– Я посоветуюсь с моим приятелем, которому понравилась эта идея, он платит половину.

– Не слишком много знакомых, иначе сделка отменяется.

– Готов к передаче всего через меня. Под охраной, конечно.

– Мои люди будут следить за тобой.

Вольф подумал, что Ройхшпетер врет, рассказывая про людей, а действует один или с кем-то из родственников. Тем не менее через некоторое время он смог дать несколько папок данных, которые нельзя было найти в мировой сети в таком же порядке сложенными на одном

из порталов тех, кто искал работу. Потом он подумал, что короли Германии были бы довольны тем, что на земле, в которой под их зорким оком росли их самые лучшие подданные, нашелся тот самый человек, что принес нужные бумаги в тайную полицию.

После того, как он прочитал несколько сотен страниц, ему стало ясно, что он имеет дело с информацией, которая уже много лет обходит все системы взлома НАТО. Дело было не только в защите, хотя профессионалы старались. По данным документов Ройхшпетера еще несколько десятков лет назад Совет безопасности РФ принял решение о вложении в космические программы как психологическую задачу, которая поставит в тупик их противников. Они решили отдать часть секретов тем, кто рвется в бой из-за амбиций, чтобы оставить этот достаточно широкий слой населения воевать за сугубо мирные задачи. Нужно было оставаться уроженцем потомков ГДР, чтобы понять, что все рассуждения о прибылях и конкурентной гонке, которые оставались главной темой для обсуждения, еще в те годы были ширмой для главной задачи, остановки армии мародеров, способных только погубить человечество. Когда Отто Буркхард передавал ему материалы, он уже ознакомился с ними и молчал, не спеша с комментариями до того момента, пока Вольф не увидит все своими глазами. После прочтения всего материала Герман Шнеешварцвальде задумался о той же проблеме. Ему не было понимание того, почему, несмотря на техническое превосходство тех же США, тайны русских открываются так поздно. Он решил, что ему необходимо еще три дня на принятие решения.

Сейчас Вольф, который уже понимал, что слишком пристальное внимание к программам повлечет масштабные действия, понимал, что они скорее всего прокатятся под лозунгом защиты собственных финансовых интересов. Он не хотел остаться в дураках из-за неумения вовремя защитить интересы страны. Но в этом случае он все больше убеждался, что русские ошиблись. Их непродуманное решение было продиктовано желанием скорейшего начала работ. Они выкинули собственные накопления, надеясь, что стихийно рынок сложится, выбивая самых бесчестных. Система космических игр уже давно приучила всех к своей силе облагораживания, которая появлялась как по мановению волшебника. Но это было не так. Сила стабилизации держится на настоящих философах, способных предложить систему, где каждый найдет место, на котором он будет другим приносить максимум пользы и минимум вреда.

Так, например, Англия и Германия в определенные периоды истории становились метрополиями с огромными завоеваниями. Но против владычества немцев сопротивление поднималось гораздо охотнее из-за того, что их власть побежденные считали более жестокой. Англию превозносили за хорошие манеры, собственный дендизм, который приятен внешне и требует избегать откровенной подлости. Из-за стремления к воспитанию настоящих леди и джентльменов из всего нецивилизованного мира Великобритания становилась столицей с колониями в Америке и Австралии, потом она удерживала весь мир поклонником собственной культуры из-за языка. С трудом и не полностью у нее перехватили инициативу в США, когда сделали английский языком программистов, почти бесплатно раздавая их версии, существенно помогающие жить. Вольф не забыл даже Древний Рим, который дал государство и право, создав систему, способную сопротивляться внешним врагам, которые одни только и были препятствием к расширению границ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.